

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗ. - 2004. - 20 ДЕКАБРЯ. - с. 8

Владимир Чернов: молитва поэта

Круговорот любимых певцов в природе

Андрей Хрипин

В оперном итоге недели – камерный рецитал Владимира Чернова с песнями и ариями Верди и концертное исполнение оперы Бетховена "Фиделио" под управлением Томаса Зандерлинга-сына силами Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко – два события вполне respectable свойства, не дотянувшие, однако, до статусности иных шумных премьер или раздутых пиаром вип-гастролей.

В отличие, скажем, от ожидаемого на днях главного rossiniевского тенора нашего времени, молодого красавца перуанца Флореса визит главного вердиевского баритона конца прошлого века Чернова на Новую сцену Большого театра никак особо не рекламировался, и за 10 минут до задерживавшегося начала концерта зал зиял примерно третью пустых мест, которые заполнились каким-то мистическим образом буквально за секунду до выхода певца на съедение к публике (какой же театр без чудес). Да-да, порой участь артиста можно сравнить с участью дрессировщика, входящего в клетку со львами. Правда, в случае с "гражданином мира" Черновым (выходец с Кубани) сравнение, пожалуй, слишком сильное – Москва, выучившая его в консерватории и наградившая (бронзой, правда) на конкурсе Чайковского, любит "своего" Чернова нежно, преданно, в любом виде и, похоже, не без взаимности. Так ли ласков к нему был "более культурный" Петербург, где он начинал в Кировском театре при Темирянкове и откуда уехал на вольные западные хлеба, несмотря на благоприятную творческую обстановку, грозящую, однако, творческим застоєм (1–2 спектакля в месяц)?!

История вопроса свидетельствует, что первоначально на

это время Большой театр планировал совсем другую знаковую фигуру – знаменитого американского бас-баритона, мастера на все руки и стили Сэмюэля Реми, с которым россиянам было бы интересно познакомиться вживе хотя бы и в пору его бархатных сумерек, но, видимо, звезды не встали как нужно, и мы услышали другого, более молодого (р.1953) любимца Джимми Ливайна, лирического (кавалерского, как говорили в старину) баритона Чернова – что тоже хорошо, тем более, не с "неаполитанщиной", не в полупопсовом жанре crossover и не с выкрутасным "Терем-квartetом", а с классным пианис-

свежести голоса, кому-то баритональной краски, кого-то не воодушевляет его холодноватая, суховатая энергетика ("светит, да не греет") – так что ж, это проблемы не артиста, а нашего с вами восприятия, испорченности или хуже того – вкусовщины. А кому-то может показаться безвкусным переигрыванием, когда в конце идеально выверенной по всем законам камерного исполнительства вещи Чернов вдруг возьмет да и выкинет какое-нибудь эпатажное колечко "из другой оперы" – лавиной рухнет на пол или сделает какой-нибудь пошловато-узнаваемый бытовой жест, способный

Иногда артиста можно сравнить с дрессировщиком, входящим в клетку со львами

том-партнером Семеном Скигиным и со стильной программой из одного только любимого Верди.

Оставим в стороне сведения о конце его большой карьеры в "Метрополитен" (за последние годы, если не изменяет память, только Елецкий в спектакле Владимира Юровского), забудем разговоры специалистов и друзей о том, что Чернов утомил свой голос тяжелым драматическим репертуаром, какое нам дело, наконец, до того, что несколько недавних сезонов подряд у певца наблюдался заметный спад и в вокале, и в рейтинге престижного спроса, если он выходит в Москве и выказывает себя тончайшим музыкантом, поэтом нюанса и интонации, мастером вокальной выделки. И вообще мастером.

Другое дело, что сегодня кому-то может чего-то в нем не хватать: кому-то силы, мощи и

убить всю предшествующую лирику. Кому-то его монументальная в своем настроенческом единстве программа (ночь, луна, смерть, могила, раскаяние, печаль, молитва etc.) могла показаться однообразно-заунывной. Но кто-то мог усмотреть в этом некое "настроение дня", в котором пребывает певец, – короче говоря, печаль его светла, как и в одной из песен Верди под названием "Элиза, старый поэт умирает". Но разве забудешь черновские моменты истины, в частности его кантилену, гибкую фразировку, божественное пианиссимо на предельно высветленном и мягком тембре? Арии, за исключением бисовой Смерти Родриго, были сплошь не шлягерные (Форд, Монфор, Фоскари) и выполняли по отношению к публике (как, впрочем, и весь концерт) важную просветительскую функцию. ■